

ИГРАЯ В КОРОЛЯ АРТУРА

Литературная антропонимика и рыцарская идеология

В основе первых артуровских романов, написанных на народном языке во второй половине XII века, лежит сильно искаженное воспоминание о событиях, происходивших в Британии в V–VI веках. Главный их герой — некий *dux Arturus**, бритто-романский военный вождь, который обороняет север острова от набегов пиктов, уроженцев шотландских нагорий, и — самое главное — сражается с германскими и скандинавскими племенами, прибывающими по морю. Этот *dux Arturus*, персонаж в большей или меньшей степени легендарный, с течением времени превратился в короля Артура, правителя чудесного королевства Логрия, в своем роде пра-Англии; при его дворе собираются лучшие рыцари мира, которых позже назовут «рыцарями Круглого Стола»⁵¹⁹.

История Артура и его соратников очень рано начала вбирать в себя сюжеты, мотивы и персонажей из кельтской мифологии. Этот корпус постоянно пополнялся новыми элементами, в частности, почерпнутыми из иных фольклорных и мифологических традиций, пока наконец не оформился в исключительно плодотворный и благоприятный для литературного творчества материал. И вот около 1000 года Артур с некоторой периодичностью начинает появляться в англосаксонских хрониках и особенно в сказаниях, которые валлийские барды исполняют при дворах князей и сеньоров, сначала в самой Британии, а затем и на кон-

* Вождь Артур (лат.). — Прим. ред.

тиненте. В XII веке этот Артур из валлийских и англосаксонских преданий превращается в настоящую историческую фигуру, династического предка первостепенной важности, на котором сосредоточились политические амбиции нескольких родов, соперничающих за английский трон. Ученый клирик Гальфрид Монмутский по заказу короля Генриха I Боклерка перелагает всю легенду целиком и включает ее в обширную историю королей Англии, написанную на латыни и законченную в 1138 году⁵²⁰. Правление Артура занимает в ней значительное место, и повествование Гальфрида уже содержит большую часть мотивов и эпизодов, которые несколькими десятилетиями позже составят основу великих рыцарских романов. Около 1155 года Вас, каноник из Байё, вдохновляется текстом Гальфрида и сочиняет, на этот раз в стихах и на народном языке, похожую историю Англии, «Роман о Бруте», посвящая его Альеноре Аквитанской, вышедшей вторым браком за короля Генриха II Плантагенета⁵²¹. Вас первым упоминает о Круглом Столе, который был якобы сделан по приказу Артура для того, чтобы предотвратить между рыцарями любые ссоры из-за старшинства мест, и рассказывает о том, что однажды король, спящий на острове Авалон, вернется и, как настоящий герой-мессия, освободит свой народ и приведет его к спасению⁵²².

Литература воинских ценностей

Вас, даже в большей степени, чем Гальфрид Монмутский, превращает Артура в литературного персонажа и готовит почву для создания «романов» — то есть повествований на народном языке, — полностью сосредоточенных на приключениях короля Артура, королевы Гвиневеры, их племянника Гавейна и рыцарей из их ближайшего окружения. Отныне авторы этих историй происхождения уже имеют по большей части не английское, а французское — начиная с самого известного из них и, возможно, оказавшего наибольшее влияние на последующую традицию, Кретьена де Труа. О его жизни нам практически ничего не известно: кроме того, что он был клириком при Шампанском дворе во времена графа Генриха Щедрого и его жены Марии, дочери Альеноры от ее первого мужа, короля Франции Людовика VII;

помимо этого он был еще и поэтом в истинном смысле этого слова; он писал в период примерно с 1165 по 1190 год и оставил после себя пять стихотворных «романов», действие которых происходит в артуровском мире. Четыре из них считаются шедеврами французской средневековой литературы: «Эрек и Энида», «Рыцарь телеги», «Рыцарь со львом», «Повесть о Граале». В них отчетливо вырисовываются характеры главных героев Круглого Стола (Артура, Гвиневеры, Гавейна, Ланселота, Персеваля, Ивейна, Кея и некоторых других), основные темы и мотивы, вокруг которых строится посвященная им литература, а также некоторые авантюры и “*conjointures*”*, которые затем практически в обязательном порядке будут использоваться большинством авторов — продолжателей Кретьена⁵²³.

У Кретьена и в самом деле было множество подражателей, перелазгателей и переводчиков, по большей части анонимных. Кроме того, по воле судьбы Кретьен так и не закончил свой самый грандиозный, а для современного читателя и самый завораживающий роман — «Повесть о Граале». С конца XII века и по 1230-е годы по меньшей мере четверо авторов пишут продолжения к кретьеновскому тексту, подхватывая стихотворное повествование об удивительных, переплетающихся авантюрах молодого, наивного Персеваля и доблестного, куртуазного Гавейна. Между тем появляются первые переводы на средневерхненемецкий, древнескандинавский, средненидерландский языки, а также первые романы в прозе, более или менее непосредственно вдохновленные текстами Гальфрида Монмутского, Васа, Кретьена и их эпигонов. Их авторы стремятся теснее переплести между собой приключения основных персонажей и заполнить лакуны, оставленные великими предшественниками, касающиеся детства героев и связей между разными поколениями. В итоге это приводит к созданию в первой половине XIII века обширных компилятивных прозаических циклов, где целиком пересказывается легенда о короле Артуре и его соратниках, развивается христианская тематика, связанная с Граалем, затем в составленный

* *Conjointure* (*старофр.*) — букв. «соединение», «связка». Слово, используемое самим Кретьеном, в частности в прологе «Эрека и Эниды»: *tret d'un conte d'aventure une molt bele conjointure*, «извлекает из рассказа об авантюре прекраснейшее соединение <частей>» (ст. 13–14). — *Прим. перев.*

таким образом корпус втягиваются две другие легенды: сперва легенда о волшебнике Мерлине, до тех пор относительно незаметная, потом легенда о Тристане и Изольде, которая была известна издавна и пользовалась большим успехом. Этот анонимный труд по переписыванию и переработке литературного материала привел к составлению между 1215 и 1240 годами трех больших циклов — «Ланселот — Грааль», «Тристан» в прозе и роман «Гирон Куртуазный»: среди артуровской литературы на французском языке именно их будут чаще всего переписывать и читать вплоть до начала Нового времени. Все они оказали значительное влияние на рыцарское общество, на его коды, ценности и способы мировосприятия⁵²⁴.

В XII–XIII веках романы Круглого Стола представляли собой литературу, предназначенную почти исключительно для аристократической аудитории. Это крайне идеологизированная, транслирующая воинские ценности литература, которая, столкнувшись с преобразованием социального порядка, пытается навязать свое видение мира и общества: она прославляет *молодых*⁵²⁵; она превозносит рыцарство⁵²⁶; она сетует на непрерывно возрастающую власть суверена — Артур, в отличие от королей из династий Капетингов и Плантагенетов, продолжает оставаться феодальным королем, который обязан советоваться со своими подданными⁵²⁷, — и особенно на политическое и экономическое истощение мелкой и средней знати; она презирует вилланов, а еще больше коммуны, купцов и городское население⁵²⁸.

Однако несмотря на эту, одновременно феодальную и «реакционную», идеологию, артуровская легенда с давних пор была востребована и за пределами благородного сословия. Можно только посетовать на дефицит исследований, посвященных восприятию легенды и ее воздействию на все общество⁵²⁹. Источников же для проведения такой работы предостаточно. Более того, они благоприятствуют междисциплинарным исследованиям, в рамках которых выделяются четыре наиболее плодотворные области: рыцарские ритуалы (турниры, копейные состязания, праздники, *ras d'armes**), антропонимика, иконография и геральдика. Изучение

* Особый вид театрализованного турнира, в котором схватка между рыцарями представляла собой часть разыгрываемой истории. — *Прим. перев.*

геральдики, в частности, уже дало нам ряд ценнейших сведений⁵³⁰. А вот исследования по иконографии еще только предстоят, ведь труды первопроходцев — Роджера Шермана Лумиса и его жены Лоры Хиббард — практически не имели последователей, по крайней мере, существенный контраст между изобилием источников и незначительным числом серьезных работ, посвященных их изучению, ощущается до сих пор⁵³¹. Что же касается антропонимики, поддающейся точному анализу и способной охватывать значительный с точки зрения количества документальный материал, то эта область должна стать приоритетной для будущих исследований, посвященных изучению рецепции артуровской легенды. Попробуем наметить ее основные направления.

От литературных имен к именам реальным

Воображаемое всегда является одновременно и отражением реальности, и моделью для нее. Литературная антропонимика — не исключение. Социологи уже давно обратили внимание на то, что некоторые книги, фильмы или телесериалы могут ситуативно создавать моду на те или иные имена. Этот феномен отнюдь не является особенностью ни нашего времени, ни современного «общества зрелищ». В XVI–XIX веках некоторые книги оказывали сходный эффект, особенно в том, что касается мужских имен. Например, если ограничиться эпохой романтизма, «Вертер» Гёте в Германии или «Рене» Шатобриана во Франции⁵³². Это факты общеизвестные. А вот что нам известно хуже, так это что данный культурный феномен встречается уже в Средние века, задолго до появления и распространения печатной книги. Так, некоторые филологи обратили внимание на популярность имен Роланд и Оливье — крестильных имен, распространившихся благодаря «Песне о Роланде» и связанным с ней преданиям. Они также обратили внимание на то, что в некоторых областях эти имена давались братьям-близнецам еще до предполагаемой даты сложения самой древней из известных версий «Песни» (конец XI века), и даже около 1000 года. Антропонимика оказывает здесь ценную услугу истории литературы⁵³³. Подобные исследования артуровской легенды никогда, к сожалению, систематически не проводились⁵³⁴.

Тем не менее во Франции к 1250-м годам, когда уже сложились большие прозаические циклы, корпус артуровской антропонимики окончательно сформировался и стал поставлять для реальной антропонимики (из которой он к тому же сам отчасти произошел) обильный материал⁵³⁵. То же самое происходит и в немецкоязычных странах. Начиная с середины XIII века, а иногда и чуть раньше, на севере и на западе Франции; в Англии, во фламандских и рейнских областях, в Баварии и в Тироле встречаются люди, которые носят имена Гавейн, Тристан, Ланселот, Персеваль, Боор и некоторые другие. Проблема же, очевидно, состоит в том, чтобы определить, с какого времени эти имена стали настоящими крестильными именами, а не просто прозвищами, присвоенными по случаю участия в турнире, в крестовом походе или во время того или иного рыцарского ритуала. До XIII века тексты нас выручают, уточняя, что речь идет именно о прозвище, с помощью формул типа “*Petrus dictus Lancelot*” или, на народном языке, “*Jean dit Perceval*”*, формул, которые встречаются в особенности в грамотах и хрониках. Но иногда таких уточнений нет, упоминается только имя героя, которое, возможно, уже употребляется как настоящее крестильное имя.

Такое превращение литературного имени в имя реальное — весьма значимый культурный факт: он свидетельствует об охватившем Западную Европу процессе — который, очевидно, следует вписать в контекст долговременной перспективы, — когда происходил постепенный отказ от патримониальной системы *передаваемых* имен (маркирующей принадлежность к группе, с четко ограниченным набором имен, «принадлежащих» группе и переходящих в согласии со строгими правилами, среди которых важнейшую роль играют родство по восходящей линии и кумовство) в пользу более свободной системы имен, *выбираемых* родителями, подчиненной моде, вкусу и мотивированной более личными эмоциональными, религиозными или психологическими причинами. Этот феномен, на который первыми обратили внимание этнологи и антропологи, сегодня также хорошо известен демографам и историкам антропонимики⁵³⁶. Однако история ли-

* «Петр по прозвищу Ланселот», «Жан по прозвищу Персеваль». — *Прим. перев.*

тературы, по всей видимости, указывает на то, что сдвиг этот произошел рано, раньше, чем иногда полагают.

Антропонимика в действительности говорит нам о том, что уже довольно давно, чуть позже середины XIII века, имена основных персонажей артуровской легенды стали во многих областях присваивать и носить не только крупные и мелкие сеньоры, но и люди, у которых, вообще говоря, никогда не было возможности вживую услышать чтение произведений Кретьена де Труа и его продолжателей. Так, во второй половине века несколько крестьян, живущих в Нормандии, в Пикардии и в Бовези, носят, по документам сугубо юридического характера (грамотам, печатям, различным цензам и переписям), артуровские имена. Упомянем, к примеру, печать нормандского крестьянина с крестильным именем “Lancelot” и родовым именем “Navard” (илл. 17). Конечно, вполне правдоподобно, что этот Ланселот Хавард, живший в приходе Бос (ныне входящем в департамент Приморская Сена), был именно землевладельцем, а не поденщиком (в акте, к которому привешена печать, он все же назван *rusticus**); возможно даже, речь идет о весьма важном в здешних краях человеке, так как его печать привешена к акту о сделке, которую аббатство Жюмьеж, владевшее обширными территориями в окрестностях Руана, заключило в 1279 году с несколькими крестьянами этого прихода⁵³⁷. Печать эта является важным документом: она доказывает не только то, что крестьянин мог в то время (а родился он, вероятно, на двадцать-тридцать лет раньше) носить имя литературного персонажа — более того, имя самого прославленного рыцаря Круглого Стола, — но и то, что это имя могло помещаться на документ, обладающий несомненной юридической силой, — на печать; печать, которая является залогом надежности и ответственности того, кто ей пользуется⁵³⁸. Что само по себе значимо.

Артуровские ритуалы

Случай Ланселота Хаварда не уникален⁵³⁹ и, по видимости, подтверждает то, что артуровские имена распространились относительно быстро. Он также показывает, что в XIII веке куль-

* Крестьянин (лат.). — Прим. перев.

тура крестьян не слишком сильно отличается от культуры мелких сеньоров, по соседству с которыми они живут. Постоянно взаимодействуя, эти два сословия находятся во власти одних и тех же знаков и грез, пусть даже их идеологическое содержание остается различным⁵⁴⁰. В эту эпоху, по крайней мере во французском королевстве, маркируются культурные различия не столько даже между знатью и крестьянами, сколько между духовенством и мирянами, а также между городом и деревней. Артуровская легенда принадлежит прежде всего культуре сельской — как замковой, так и простонародной⁵⁴¹. Ее распространение среди сельского населения — равно как и сопутствующее этому распространение имен — нужно связывать с возрастанием на протяжении XIII века числа артуровских турниров и зрелищ, вдохновленных романами Круглого Стола. Первый такой турнир состоялся, вероятно, в 1223 году на Кипре по случаю посвящения в рыцари сына Жана д'Ибелина, сеньора Бейрута. С 1230-х годов в Германии, Швейцарии, Австрии, Англии, Шотландии и северной Франции короли, князья, сеньоры и рыцари принимаются «играть» в короля Артура и его собратьев по Круглому Столу, стремясь воссоздать их подвиги и авантюры⁵⁴². Для этого они заимствуют из литературы их имена и гербы, сначала ненадолго (по случаю военной кампании или рыцарского праздника, вроде турнира, проходившего в Хеме в 1278 году⁵⁴³), затем на более продолжительное время. Так, король Англии Эдуард I (1272–1307), один из самых могущественных суверенов, которых знала средневековая Англия, на протяжении значительной части своего правления выказывал поистине страстный интерес к артуровской легенде: он устраивал многочисленные турниры, копейные состязания, праздники и «круглые столы», особенно во время военных кампаний против Шотландии, подражая тому, что описывали стихотворные и прозаические романы⁵⁴⁴. Большинство его рыцарей принимали участие в этих ритуалах, подтверждая тем самым возрастающую значимость романического поведения для аристократического общества XIII века. Для части благородного сословия мир как будто стал *enromancement*, воплощением романа (это слово появляется именно в Средневековье); роман теперь был не только отражением дворянской идеологии, он стал для нее образцом⁵⁴⁵.

Турниры, которые наблюдала самая широкая публика (и крестьяне здесь были, несомненно, в большинстве) и которые сопровождались инсценировками, играми и были обставлены различными декорациями, видимо, сыграли в распространении имен артуровских рыцарей среди различных слоев общества едва ли меньшую роль, чем транслирование произведений поэтов и романистов. Тем более что в конце XIII века артуровская легенда попадает в городскую среду. Некоторые буржуа в крупных ганзейских городах принимают за подражать королям и рыцарям: они тоже начинают устраивать артуровские праздники и турниры и воссоздавать в своей среде общество Грааля или Круглого Стола⁵⁴⁶. В начале следующего века эта новая мода захватывает города в долине Рейна, Нидерландах и северной Франции: один за другим Кёльн, Льеж, Турне, Брюгге, Лилль, Валансьен, Аррас становятся широко известными центрами проведения артуровских игр и зрелищ⁵⁴⁷. В середине XIV века эта мода доходит до Парижа, а затем распространяется на юг Франции, Италию и даже Испанию. Артуровская легенда окончательно обосновалась в городе. Игры в короля Артура и присвоение имен его рыцарей стали органичным фактом городской культуры. Отныне в среде буржуа из торговых городов этим увлекаются не меньше, чем в аристократических кругах⁵⁴⁸. Все средневековое общество как будто захлестнуло настоящее артурианское безумие, продлившееся в некоторых областях (в Нидерландах, в Италии) вплоть до середины XVI века⁵⁴⁹.

Тристан, любимый герой

Итак, имеет смысл статистически оценить процесс распространения имен героев Круглого Стола во времени и пространстве (как географическом, так и социальном). Однако антропонимика — наука сложная, у нее свои методы и заниматься ей могут только специалисты. Последних, к сожалению, не так много, а те из них, что изучают Средневековье, сосредоточены больше на патронимах, чем на крестильных именах⁵⁵⁰. Не будучи специалистом по антропонимике, я ограничился теми историческими источниками, которые мне хорошо известны, а именно печатями. Я изучил крестильные имена в легендах примерно на 40 000 фран-

цузских печатей⁵⁵¹ до 1501 года (по дате акта); Франция при этом рассматривалась в тех границах, в которых она существовала в XV веке. На печати, датировку и локализацию которой можно узнать из акта, к которому она привешена, почти всегда указывается крестильное имя ее владельца. Для периода с начала XIII и по конец XV века я таким образом зафиксировал 431 явный случай употребления артуровских имен реальными людьми.

Хронологически мода на эти имена, по видимости, достигала пика в конце XIII века и в течение последней трети XIV века. Тем не менее нельзя упускать из виду, что их носили владельцы печатей, то есть взрослые люди, родившиеся за одно или даже за два поколения до даты составления документа, к которому прикреплена печать. Географически самый богатый «урожай» (примерно четверть всех зафиксированных случаев) был собран в Пикардии, в Бовези, в Понтё и в двух Вексенах. Я должен, однако, уточнить, что мой сфрагистический материал, жестко связанный с дошедшей до нас документацией⁵⁵², распределен неравномерно: четыре пятых изученных печатей относятся к районам, расположенным к северу от линии Пуатье—Лион. Отметим в этой связи и редкость имен «бретонских» героев... в Бретани: «армориканский» след артуровской легенды в этой сфере, как и в ряде других (иконография, геральдика), был относительно незначителен.

Между тем наиболее существенные результаты изучение печатей принесло, по всей видимости, именно в социокультурном плане. Действительно, даже если артуровские имена и встречаются в качестве имен реальных людей, принадлежащих к самым разным сословиям, оказывается, что охотнее всего в XIV—XV веках их присваивают мелкая знать (служилое и нетитулованное дворянство) и богатые горожане. За исключением имени *Артур* — традиционного крестильного имени некоторых знатных родов (Бретонского дома, где трое герцогов носили имя Артур; дома Коссе), — примеры заимствования этих имен высшей знатью после XIII века встречаются редко. Правда и то, что во французском королевстве крестильные имена у высшей знати были менее разнообразны и более «патримониальны», чем в кругах, находящихся на более низких ступенях социальной лестницы.

В конце Средневековья мода на артуровские имена, которые на самом деле выступают в качестве крестильных имен (временные прозвища — отдельный случай), распространяется в первую очередь среди двух сословий, претерпевающих серьезные трансформации: более или менее разоренного мелкого дворянства и богатой купеческой буржуазии, переживающей социальный и политический подъем. Для мелкого дворянства это способ сохранить часть бывшего рыцарского престижа, сильно подорванного Столетней войной, и обрести в этой антропонимической видимости некую компенсацию своего экономического и политического упадка. Для буржуазии, или по крайней мере для богатого городского патрициата, это, напротив, социальная стратегия, которая позволяет, прибегнув к системе литературных ценностей, прорваться в благородное сословие и приобщиться к высокой культуре (та же буржуазия пыталась прорваться и другими путями: посредством брачной политики, денежных займов, королевской службы).

Историку литературы многое скажут и показатели частотности употребления имен основных персонажей артуровской легенды в качестве имен реальных людей. Представленная ниже таблица четко показывает, что популярнее всех был Тристан (который, несмотря на то, что об этом иногда писали, вполне принадлежит артуровскому миру); Тристан явно опережает Ланселота и Артура:

Тристан	120 примеров
Ланселот	79
Артур	72
Гавейн	46
Персеваль	44
Ивейн	19
Галеот	12
Боор	11
Лионель	7
Сагремор	5
Паламед	5
Другие	11

Частотность употребления имен рыцарей Круглого Стола в качестве крестильных имен или прозвищ по данным анализа около 40 000 легенд на французских печатях до 1501 г.

Есть и другие свидетельства того, что легенда о Тристане превосходила по популярности и легенду о Ланселоте и Артуре, и тем более легенду о Граале и Персевале. Например, число сохранившихся рукописей говорит о том, что с конца XIII и по конец XV века прозаический роман о Тристане (и его различные переложения) переписывали и читали чаще, чем любое другое артуровское сочинение⁵⁵³. Об этом же свидетельствует иконография, в первую очередь миниатюры, а также настенная живопись и гобелены. Некоторые исследования, проведенные в странах, соседствующих с Францией, подтверждают преобладание имени Тристан в позднесредневековой антропонимике Германии и Австрии⁵⁵⁴ (где также широко представлено имя Персеваль — возможно, благодаря Вольфраму фон Эшенбаху) и, в меньшей степени, в Италии⁵⁵⁵ (где его почти догоняет Ланселот). В Англии (но не в Шотландии) на первом месте Гавейн — имя, вероятно, валлийского происхождения⁵⁵⁶; однако в этом, конечно, нет заслуги великолепного и своеобразного романа «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», который сохранился в единственном списке и был, видимо, не слишком популярен. Мне остается только пожелать, чтобы ученые, специалисты по антропонимике, занялись этими вопросами и дополнили мои изыскания новыми исследованиями. В частности, в Италии особенно обильный материал, в том, что касается Эмилии, Ломбардии и соседних регионов, дают 1280–1480 годы⁵⁵⁷. Так, в середине XV века такой влиятельный княжеский род, как дом Эсте, по-прежнему преклоняется перед артуровскими героями. Некоторые видные его представители носят соответствующие имена: два брата Леонелло (Лионель) и Борсо (Боор) д'Эсте, которые один за другим становились герцогами Феррары, были названы в честь двух кузенов Ланселота; их сводного брата звали Мелиадузе (Мелиадук, отец Тристана), а среди их многочисленных сестер встречаются Изотта (Изольда) и Джиневра (Гвиневра)⁵⁵⁸. Несколькими десятилетиями раньше подобная мода на артуровские имена обнаруживается у Висконти, герцогов Милана, некоторые представители которых носят имена Галеаццо (Галахад, сын Ланселота) и Галеотто (Галеот, близкий друг Ланселота). Позже артуровской антропонимикой, хотя и в меньшей степени, увлекутся Гонзага, правители Мантуи.

Изучение печатей увело меня в сторону от женских имен. Из примерно 40 000 печатей лишь около 550 принадлежали женщинам. Среди них мне не попало ни одной Гвиневеры и в общей сложности встретилось три Изольды, самая «старшая» из которых — Изольда де Доль, жена Аскульфа де Солине, сеньора, владевшего землями на границе между Бретанью и Нормандией; от нее осталась печать, прикрепленная к документу 1183 года⁵⁵⁹.

Идеология имени

У некоторых знатных родов мода на имена героев Круглого Стола, вначале употреблявшихся как прозвища, затем как крестильные имена, стала фамильным обычаем. Так, во Франции с конца XIII века это было характерно для дома де Дрё⁵⁶⁰. Этот случай тем более интересен, что речь идет о младшей ветви дома Капетингов (родоначальником дома де Дрё был Роберт I, граф де Дрё, умерший в 1188 году, третий сын короля Людовика VI), ветви, которая за несколько десятилетий растеряла добрую часть своего фамильного престижа (родственная связь с королевской семьей только слабела) и земельных владений. Историк вправе задаться вопросом, не является ли и в этом случае использование литературных имен способом компенсировать необратимый политический и династический упадок. Особенно учитывая, что и у самих Дрё артуровские имена и прозвища охотнее всего брали представители именно младших ветвей (Дрё-Боссар и Дрё-Шатонёф⁵⁶¹). Этот фамильный обычай также встречается в XIV веке в пикардийской семье Киере, принадлежащей к «среднему» дворянству. Однако здесь старшие сыновья из старшей ветви берут прозвище Боор — имя двоюродного брата Ланселота и единственного рыцаря Круглого Стола, который выживает после крушения артуровского мира⁵⁶², — а младшие или младшие из младших — прозвища Гавейн (племянник короля Артура), Тристан и Лионель (брат Боора)⁵⁶³. Здесь в ход идут искусные приемы, обеспечивающие различными способами — подробное изучение которых было бы во многих отношениях полезно — установление родственных связей между реальными людьми и литературными персонажами.

В XVI веке использование литературных имен в реальной антропонимике остается в целом на прежнем уровне. В Англии сочинения Томаса Мэлори обеспечили им популярность на несколько десятилетий. А на континенте мода на них заново расцвела с распространением печатных изданий романов Круглого Стола⁵⁶⁴. Только в XVII и особенно в XVIII столетии их популярность начала сбавлять обороты, а затем, по крайней мере во Франции, Германии и Нидерландах, стала сходиться на нет, несмотря на облегченные версии средневековых рыцарских романов, которые распространялись бродячими торговцами народной литературой. Потом, во второй половине XIX века, сначала в викторианской Англии, затем на континенте, мода на артуровские имена возникла снова, благодаря стихам Теннисона и произведениям некоторых художников-праерафаэлитов (в частности, Уильяма Морриса и Берн-Джонса)⁵⁶⁵.

Крестильное имя никогда не бывает нейтральным. Это первый социальный «маркер», первый атрибут, первая эмблема. Оно идентифицирует того, кто его носит — не только в течение жизни, но и после смерти, — и открывает путь к самым глубинным пластам его сознания. Следовательно, можно спросить, почему столь длительное время историки-медиевисты так редко интересовались этой темой, отдав ее на откуп филологам, которые подчас погрязали в прекраснотушных спорах об этимологии или фонетике. Теперь, в информационный век пришло время преодолеть стадию монографий, посвященных локальным и региональным аспектам. Широкомасштабные количественные исследования предоставили бы нам сведения по различным вопросам, значимым в контексте исторической антропологии: распространению культурных моделей, структурам родства, культу святых, отношению Церкви к антропонимике⁵⁶⁶. С позиции исторической антропологии мы также смогли бы лучше изучить имя в контексте социальной действительности Средневековья. Как, кем и почему выбирается имя? Действительно ли его предназначение в повседневной жизни состоит в назывании человека, который его носит? Может ли оно меняться в течение жизни? Как человек принимает, оглашает, предъясвляет, искажает или отвергает свое имя? Как его принимают другие? Какие ценностные системы оно

ИГРА

актуализирует? В какие отношения оно вступает с патронимическим именем, участвуя, на исходе Средневековья, в образовании новых социальных формул и иерархий? На все эти многочисленные вопросы ученые в будущем должны попытаться ответить.